

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ  
Эмалю голубой;  
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ  
Твой голосъ молодой.  
За звукъ одинъ волшебной рѣчи,  
За твой единый взглядъ  
Я радъ отдать красавца сѣчи—  
Грузинскій мой булатъ...  
И онъ порою сладко блещетъ,  
Заманчиво звучитъ;  
При звукѣ томъ душа трепещетъ,  
И въ сердцѣ кровь кипитъ.  
Но жизнью бранной и мятежной  
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,  
Какъ услышалъ твой голосъ нѣжный  
И встрѣтилъ милый взоръ!

\*\*\*

Гляжу на будущность съ боязнью,  
Гляжу на прошлое съ тоской,  
И какъ преступникъ передъ казнью,  
Ищу кругомъ души родной!..  
Придетъ ли вѣстникъ избавленья  
Открыть мнѣ жизни назначенье,  
Цѣль упований и страстей,  
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,  
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ  
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную  
Любви, надеждъ, добра и зла.  
Начать готовъ я жизнь другую...  
Молчу и жду... Пора пришла...  
Я въ міръ не оставлю брата;  
И тьмой, и холодомъ обята  
Душа усталая моя:  
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,  
Она увяла въ буряхъ рока  
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

1838.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжаль:  
Клинокъ надежный, безъ порока;  
Булатъ его хранить таинственный закалъ—  
Наслѣдье браннаго Востока.  
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много  
Не зная платы за услугу; [лѣтъ,  
Не по одной груди провель онъ страшный  
И не одну прорвалъ кольчугу. [слѣдъ  
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣ раба;  
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;  
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзба  
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.  
Онъ взять за Терекѣмъ отважнымъ казакомъ  
На хладномъ трупѣ господина,

И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,  
Въ походной лавкѣ армянина.  
Теперь родныхъ ноженъ, избитыхъ на войнѣ,  
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;  
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—  
Увы! безславный и безвредный!  
Никто привычною, заботливой рукой  
Его не чиститъ, не ласкаетъ,  
И надписи его, молясь передъ зарей,  
Никто съ усердіемъ не читаетъ.  
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты,  
Свое утратилъ назначенье, [поэтъ,  
Назлато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ  
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣннѣ?  
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ  
Воспламенялъ бойца для битвы; [словъ  
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пи-  
Какъ оміамъ въ часы молитвы. [ровъ  
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ  
И отзывъ мыслей благородныхъ [толпой  
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой  
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ,  
Носкученъ намъ простой и гордый твой языкъ,  
Насъ тѣшатъ блѣстки и обманы;  
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ  
Морщины прятать подъ румяны...  
Проснешься ль ты опять, осмѣянный про-  
Иль никогда, на голосъ мщенья, [рокъ,  
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой кли-  
Покрытый ржавчиной презрѣнъ? [ногъ.

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!  
Его грядущее—иль пусто, иль темно;  
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и со-  
Въ бездѣйствіи состарится оно. [мнѣнья,  
Богаты мы, едва изъ колыбели,  
Ошибками отцовъ и познанимъ ихъ умомъ,  
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь  
безъ цѣли,

Какъ пиръ на праздникъ чужомъ.  
Къ добру и злу постыдно равнодушны,  
Съ началъ поприща мы вянемъ безъ борьбы;  
Передъ опасностью позорно-малодушны,  
И передъ властію презрѣнные рабы.

Такъ тошій плодъ, до времени созрѣлый,  
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,  
Виситъ между цвѣтовъ, прищипецъ оспро-  
тѣлый,

И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!  
Мы иссушили умъ наукою безплодной,  
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей  
Надежды лучшія и голосъ благородный  
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,  
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;  
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,  
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства [велятъ,  
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не ше-